

УДК 159.9:316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-413-428

Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Введение. Криминализация негативно сказывается на благополучии общества и личности, препятствуя их функционированию и развитию. Научные представления о криминализации основываются на положениях индивидуально-психологических и социальных подходов. Возможности субъектного подхода не используются в полной мере для изучения криминализации, однако представляются полезными, поскольку способны раскрыть субъективные составляющие детерминации и регуляции криминального поведения. Разработка субъектного подхода в рамках исследования позволяет теоретически обосновать совокупность отношений, участвующих в регуляции поведения, и разработать модель данных отношений для оценки риска криминализации.

Целью исследования выступает теоретическое обоснование комплекса субъективных отношений, указывающих на риск криминализации личности, и его эмпирическая проверка. С этой целью в работе рассматривается модель отношений личности, влияющих на ее криминализацию, разработанная на основе теоретического анализа представлений отечественных и зарубежных исследователей о криминогенной личности, криминогенной направленности и регуляции криминального поведения.

Методология, методы и методики. Методологическим основанием исследования выступают положения субъектного подхода (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова), ценностно-нормативная теория преступного поведения (А. Р. Ратинов), положения о криминогенной склонности личности (А. Н. Пастушеня). **Эмпирическое исследование** нацелено на проверку взаимосвязи субъективных отношений, указывающих на криминализацию личности.

Методом сбора информации выступает опросник «Риск криминализации», структуру которого образуют пять шкал, в совокупности включающих 60 вопросов.

Метод обработки результатов: дескриптивная статистика, конфирматорный факторный анализ, непараметрический критерий различий Н-критерий Краскела-Уоллиса.

Выборка исследования: 618 человек, разделенных на правопослушную (n=202 человека) группу и криминогенную, разделенную в свою очередь по критерию неоднократности привлечения к уголовной ответственности на подгруппы ситуативно-криминогенных лиц (n=219 человек) и последовательно-криминогенных лиц (n=197 человек). Криминогенные лица находились под административным надзором органов внутренних дел Российской Федерации.

Результаты: подтверждено криминализирующее значение комплекса субъективных отношений: сверхценного отношения к себе, обесценивающего отношения к наказанию и цинично-обвиняющего отношения к потерпевшему. В результате конфирматорного факторного анализа получена скорректированная шкала, пригодная для оценки риска криминализации, получены отдельные сведения о ее надежности и валидности.

Ключевые слова

криминализация личности, психология преступления, отношение к преступлению, диагностика личности преступника, криминогенная личность

Для цитирования: Злоказов, К. В. (2023). Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 413–428. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-413-428.

Original paper

Attitude towards oneself, criminal punishment and victim of a crime as a predictor of a criminalization personality

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Abstract**

Introduction. Criminalisation negatively affects the well-being of society and personality, worsening and restricting progress and hindering their functioning and development. Scientific ideas about criminalisation are based on the regulations of individually-psychological and social approaches. The possibilities of the subjective approach are not fully used to study criminalisation, but they are useful, as they can reveal subjective components of the determination and regulation of criminal behavior. The development of subjective approach within the framework of research allows us to substantiate theoretically the combination of relations involved in regulation of behavior and to develop a model of these relations for assessing risk of criminalisation.

The aim of study is a theoretical substantiation of set of subjective relations indicating a risk of personality criminalisation and its empirical verification. For this purpose, the study examines a model of personality attitudes affecting its criminalisation, having developed on the basis of theoretical analysis of domestic and foreign researchers' ideas about criminogenic personality, criminogenic orientation and regulation of criminal behavior.

Methodology, methods and techniques. The methodological basis of the study is a subjective approach (S.L. Rubinstein, A.V. Brushlinsky, K.A. Abulkhanova), value-normative theory of criminal behavior (A.R. Ratinov), provisions about criminogenic propensity of personality (A.N. Pastushenya).

The empirical study is aimed at verifying the interconnection of subjective attitudes indicating the criminalisation of personality.

The method of collecting data is the questionnaire "Risk of Criminalisation", the structure of which is formed by five scales which totally include 60 questions. **The method of processing results:** descriptive statistics, confirmatory factor analysis, non-parametric criterion of differences Kruskal-Wallis-H criteria test.

The study sample: 618 people divided into law-abiding (n=202 people) and criminogenic group, having been divided in its turn by the criterion of repeated criminal responsibility into subgroups of situation-criminogenic persons (n=219 people) and consecutive-criminogenic persons (n=197 people). The criminogenic persons were administratively supervised by law enforcement bodies of the Russian Federation.

Results: criminalising significance of subjective attitudes set of super-valuable attitude to the self, devaluing attitude to punishment and cynically accusing attitude to the victim was confirmed. As a result of confirmatory factor analysis, an adjusted scale suitable for assessing the risk of criminalisation was obtained, and some information about its reliability and validity was obtained.

Keywords

criminalisation of personality, psychology of crime, attitude to crime, diagnosis of criminal personality, criminogenic personality

For citation: Zlokazov, K. V. (2023). Attitude towards oneself, criminal punishment and victim of a crime as a predictor of a criminalization personality. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 413–428. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-413-428.

Актуальность исследования. Криминализация личности является значимой проблемой как для общества, так и самого субъекта криминального поведения. Общественная значимость проявляется в деструктивном влиянии криминальных ценностей и противоправного поведения членов общества на состояние и развитие государственных и общественных институтов. Проблема криминализации для личности выражается в ухудшении ее субъективного благополучия и снижении качества жизни.

Криминализация как форма антиобщественного отношения, проявляющаяся в противоправном поведении, в современных условиях приобретает новые возможности распространения. Они обусловлены развитием информационных технологий, обеспечивающих трансляцию ценностно-смыслового базиса криминального поведения и предоставляющих новые возможности его осуществления. Взрывной рост высокотехнологичных преступлений свидетельствует об увеличении риска криминализации несовершеннолетних и молодежи. Не обладая развитым правосознанием, они легко вовлекаются в противоправные действия, балансируя на грани совершения преступления и риска оказаться жертвой преступных посягательств. В этой связи противодействие криминализации подрастающего поколения в цифровую эпоху приобретает особую значимость.

Появление новых вызовов стимулирует научный интерес к психологическим механизмам и факторам криминализации. Предметом изучения выступают механизмы правосознания (Сучкова, 2018) и правовой социализации (Дворянчиков, Савкина, 2011) в противодействии криминализации, факторы, способствующие ее формированию – психическое здоровье (Токарева, 2017) и индивидуальные психологические особенности (Григорьева, Афонина, Кабанова, 2018), Я-концепция (Чернышева, 2007) и самоотношение личности (Вэтра, 2020).

Несмотря на широкий спектр исследований, возможности изучения криминализации личности зачастую сдерживаются их теоретико-методологическими основаниями. Так, в большинстве работ внимание отводится изучению криминогенных свойств и качеств личности и воздействию социального окружения. Безусловно, подобный подход позволяет точнее понять основания и предпосылки криминализации, однако не в полной мере раскрывает роль субъекта на этапе регуляции криминального поведения.

Объяснение этому видится в том, что субъектный подход (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова) не получил широкого распростра-

нения в изучении механизма и факторов криминального поведения личности. Полагая, что криминальное поведение регулируется субъектностью, формирующей отношение личности к преступлению и его последствиям, его теоретико-методологические положения применяются нами для изучения криминализации личности.

Целью статьи является теоретическое обоснование комплекса отношений, указывающих на криминализацию личности, и его эмпирическая проверка.

Задачами выступает проведение теоретического анализа субъектного подхода как методологического основания изучения криминализации личности, определение отношений, влияющих на регуляцию криминального поведения, разработку и эмпирическую проверку комплекса отношений в выборках лиц с разным уровнем криминогенности.

”

*Взрывной рост
высокотехнологичных
преступлений свидетельствует об
увеличении риска криминализации
несовершеннолетних и молодежи.
Не обладая развитым
правосознанием, они легко
вовлекаются в противоправные
действия, балансируя на грани
совершения преступления и риска
оказаться жертвой преступных
посягательств*

“

Результатом исследования выступает описание комплекса отношений личности к себе, преступлению и его последствиям, выражающих субъектную позицию и способствующих криминализации личности. Данный комплекс воплощается в виде шкалы оценки риска криминализации личности.

Структура статьи соответствует ее цели и задачам. В теоретической части статьи рассматриваются принципы и теоретические основания субъектного подхода к изучению криминализации, описываются ключевые представления о криминогенном потенциале отношений личности и описывается их модель.

В эмпирической части раскрывается замысел, процедура, результаты эмпирического исследования комплекса отношений, влияющих на криминализацию личности, проводится их интерпретация. В заключении статьи обсуждаются теоретические и методические перспективы, в приложении приводится шкала оценки риска криминализации.

Теоретические основания исследования. Субъектный подход в психологической науке (Рубинштейн, 1989) основывается на представлении об активном и осознанном участии личности в собственной жизнедеятельности. К настоящему времени в отечественной психологии сформировано несколько вариантов субъектного подхода, раскрывающих различные аспекты подобного участия: субъектно-деятельностный, субъектно-бытийный, субъектно-объектный (Алексеева, 2006). В рамках субъектного подхода активность личности рассматривается в контексте саморазвития (выражаемой в самоизменении и самопреобразовании) и самореализации (выражаемой в достижении целей, замыслов), что в контексте жизнедеятельности воплощается в особом способе жизни и индивидуальном жизненном пути. Важной характеристикой становления субъектности выступает переход от развития к саморазвитию, от подверженности изменениям к их инициации, от проживания жизни к житнетворчеству. При этом проявление субъектности не приводит к отчуждению от общества, напротив, саморазвитие предполагает социальное развитие, а самореализация обеспечивается за счет признания обществом достижений личности.

Оценивая возможности субъектного подхода в изучении криминализации личности, отметим его ориентацию на социально-значимое и правопослушное поведение личности. Разработка подхода для описания субъекта криминального поведения и криминального образа жизни в настоящее время еще далека от завершения. Об этом можно судить, рассмотрев различия в трактовках субъектности, предлагаемых исследователями. Так, А. Н. Пастушеня представляет личность в качестве субъекта конкретного вида социально-значимой активности, сущность субъектности, по его мнению, выражается в актуальных психических явлениях, присущих действующему человеку (Пастушеня, 1998). Субъектность асоциальной личности в представлении Г. И. Уразаевой выступает внутренним условием ее позитивной социальной активности (Уразаева, 2014). Возможность проявления активности обеспечивается признанием, поддержкой и поощрением асоциальной личности со стороны окружающих. В трактовке Л. В. Алексеевой субъектность соответствует уровням организации жизнедеятельности человека и имеет четырехуровневое строение (витальное, индивидуальное, общественно-социальное и индивидуально-социальное). Высший уровень субъектности обеспечивает

правопослушное поведение, а снижение способствует криминализации (Алексеева, 2006). По ее мнению, субъектность личности ограничена пределами, определяемыми возможностями человека отвечать на требования общества. При их исчерпании субъектность подменяется объектностью, ставя человека в зависимую и уязвимую от внешних воздействий позицию и способствуя противоправному поведению. Изучая механизм криминализации личности, Н. М. Романова связывает субъектность с проявлением криминальной самореализации (Романова, 2015). Она приходит к выводу о том, что криминализация в определенных случаях осуществляется посредством самодетерминации и самомотивации личности, приводящей к самововлечению в криминальную деятельность. Субъективные отношения рассматриваются М. Г. Дебольским с соавторами в контексте жизненного пути осужденного

”

Важной характеристикой становления субъектности выступает переход от развития к саморазвитию, от подверженности изменениям к их инициации, от проживания жизни к житнетворчеству

“

(Дебольский, Левин, Бокова, 2016). Динамика субъективных отношений на докриминальном, криминальном и посткриминальном этапах жизнедеятельности осужденного рассматривается исследователями в контексте постпенитенциарной ресоциализации личности (Бастрыкин и др., 2020).

Обобщая рассмотренные позиции, отметим, что к настоящему времени субъектный подход не получил воплощения в целостной теории криминализации личности, составляя на текущий день базис частных концепций криминального поведения (Тазин, 2006).

Оценивая возможности субъектного подхода, подчеркнем его возможности в представлении феноменологии криминализации личности. Ими выступают признание способности субъекта управлять собственным поведением, выбирая между криминальным

и правопослушным способами удовлетворения потребностей; понимание субъектом ответственности за свои поступки, направленность на саморазвитие и самореализацию в жизнедеятельности.

Данные характеристики субъектности расширяют представление о специфике субъектной регуляции криминального поведения, располагающейся вне био-психо-социальных факторов криминализации личности.

Рассматривая криминальное поведение с позиции субъектного подхода, охарактеризуем ключевые представления о нем. Во-первых, являясь видом активности субъекта, криминальное поведение подвергается регуляции, что предполагает его подчиненность цели и плану, контролю над действиями и оценку результата. Во-вторых, криминальное поведение сопровождается осознанием социальных последствий как для окружающих, так и для самого субъекта. В-третьих, являясь социально-значимым видом активности, криминальное поведение, репрезентирует *«отношение личности к другим людям, к обществу, к нормам общественной морали»* (Рубинштейн, 1989, с. 10).

Поскольку содержание криминального поведения составляет отношение субъекта к удовлетворению собственных потребностей антиобщественным способом, изучение этого отношения позволяет оценить уровень криминализации. В научной публицистике представлены исследования, раскрывающие значение отношений, установок и представлений личности в криминализации личности. Основной объем сосредоточен в области взаимодействия с другими людьми, группами и обществом, отдельные направления характеризуют криминализирующее значение отношения личности к нормативным правовым, культурным и субкультурным, групповым аспектам социального взаимодействия.

В нашем представлении субъективный контекст криминализации личности образуют отношения, участвующие в регуляции криминального поведения и определяющие выбор субъектом правонарушающего или правопослушного варианта действия (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010). В их состав могут входить отношение к себе (самоотношение) как субъекту удовлетворения потребностей, к преступлению как антиобщественному пути удовлетворения потребности и наказанию как последствию преступления. На основании теоретических сведений о сущности подобных отношений нами были определены и обобщены отдельные виды отношений. В их числе нами рассматриваются:

1. Эгоцентрическая установка как сверхценное отношение к себе. Данное субъективное образование самосознания неоднократно отмечалось исследователями в качестве отличительного признака криминальных лиц (Зауторова, Кевля, 2021; Тазин, 2006;

Deitzer et al., 2022). Высокий уровень эгоцентризма, сочетающийся с обесцениванием общественных норм, побуждает субъекта придавать исключительное значение собственным потребностям, желаниям и интересам, манипулировать или вовсе игнорировать интересы других людей (Токарева, 2017; Узлов, 2015).

2. Отношение к наказанию как последствию преступления рассматривается в качестве одного из факторов, учитываемых при его совершении (Deitzer et al., 2022). Оценка вероятности быть пойманным и изобличенным в преступлении, а затем подвергнуться наказанию выделяется в числе этапов субъективной оценки преступления (Walters, 1995) и, как показывают исследования, у лиц с последовательно-криминогенным типом поведения готовность совершать преступления сочетается с недооценкой его последствий (Gummerum, Hanoch, & Rolison, 2014).

3. Признание допустимости преступления выступает одним из ведущих признаков криминализации личности. В работах отечественных и зарубежных криминальных психологов отмечается, что оправданием преступления служит субъективная ценность цели преступления (Ратинов, 2016), криминальная целевая установка (Пастушеня, 1998). Нередко допустимость преступления обосновывается обстоятельствами ситуации, побуждением со стороны окружающих или потерпевшего, представлением о справедливости (Ioannou et al., 2015).

4. Отношение к потерпевшему характеризует морально-нравственную сферу личности преступника, выражая его просоциальную либо антиобщественную направленность. Переживание сострадания и сочувствия к жертве преступных посягательств указывает на развитие механизма моральной регуляции поведения (Levy & Ben-David, 2015), тогда как циничное, обесценивающее и дегуманизирующее отношение выражает антиобщественную направленность (Haunpes & Cares, 2015).

5. Признание необходимости преступления относится к обстоятельствам, влияющим на уголовное наказание и снижающим чувство вины у преступников (De Vel-Palumbo, Wenzel, & Woodyatt, 2019). Уверенность в необходимости совершения преступления позволяет оправдать свое поведение в глазах окружающих, а также облегчить переживание вины перед близким окружением (Hall & Fincham, 2008). При этом зачастую при отсутствии необходимости преступники воссоздают ее в рамках собственных представлений о событии преступления (Althoff, Dollinger, & Schmidt, 2020).

Описанная совокупность отношений характеризует позицию личности по отношению к криминальному поведению и соответствует предположению о регулирующей функции субъектности. Следует отметить, что криминогенное значение отношений ранее было

установлено нами в результате изучения восприятия преступления несовершеннолетними (Злоказов, Ильянкова, Рожков, 2021) и совершеннолетними правонарушителями и преступниками (Недилько, Злоказов, 2020). В исследованиях были получены сведения о выраженности отношений у лиц с криминальной направленностью и отсутствии таковой у лиц с правопослушным поведением. При этом не было установлено, какие отношения и в какой мере характеризуют уровень криминализации. Кроме того, разновозрастные выборки исследований, а также нахождение участников опроса на разных стадиях криминализации не позволяли выявить взаимосвязь отношений, а также установить их комплексный характер их проявления.

Данные задачи решаются в этом исследовании. На основе идеи об обусловленности криминализации проявлением субъектности нами разработан комплекс отношений, свидетельствующих о риске криминализации личности. Предполагается, что отношения соучаствуют в регуляции поведения, и ожидается, что их проявление должно быть взаимосвязанным, а выраженность у криминогенных лиц превышать выраженность у правопослушных.

Эмпирическое исследование. Целью исследования выступала эмпирическая проверка предположений о комплексном характере связи субъективных отношений, указывающих на криминализацию личности.

Задачами выступили:

- подтверждение комплексного характера (связи) отношений, указывающих на криминализацию личности;
- определение надежности (по критерию внутренней согласованности) утверждений и способности комплекса отношений дифференцировать лиц по уровню криминализации.

Гипотезами исследования выступили предположения:

1. О взаимосвязи отношений, выступающих индикаторами криминализации.
2. О способности опросника различать (дифференцировать) лиц с разным уровнем криминогенности.

Выборка исследования объемом 618 человек формировалась в соответствии с задачами исследования и включала в себя лиц с правопослушным поведением (202 человека, 75 % мужчины, ср. возраст 32,4 года, SD=11,6 лет) и криминогенных лиц. Криминогенные лица разделены на две подгруппы по критерию неоднократности привлечения к уголовной ответственности на ситуативно-криминогенных (однократно привлеченных к уголовной ответственности за совершение корыстных преступлений и преступлений по неосторожности), n=219 человек, 91 % мужчины, ср. возраст 31,2 лет, SD=12,2 года, а также последовательно-криминогенных (неоднократно привлеченных к уголовной ответственности), n=197 человек, 93% мужчины, ср. возраст 36,3 года, SD=9,5 лет.

Криминогенные участники обследования находились под административным надзором органов внутренних дел Российской Федерации. Выборка исследования собиралась в г. Санкт-Петербурге, а также Ленинградской, Свердловской и Омской областях. Правопослушные участники не привлекались к уголовной ответственности, являлись сотрудниками правоохранительных органов.

Объем выборки устанавливался с учетом требований, определяющих необходимое количество обследуемых для проведения процедур конфирматорного анализа, расчета согласованности (α -Кронбаха) и корреляционного анализа утверждений опросника.

Процедура исследования осуществлялась в добровольном порядке. Перед началом исследования участнику предоставлялась информация о целях работы, характере вопросов, порядке заполнения, время исследования не ограничивалось. Незаполненные анкеты, а также бланки, заполненные неправильно либо с искажением ответов, исключались.

Методы решения задач исследования применялись согласно поставленным гипотезам. Структура модели (конструкта) криминализации изучалась посредством конфирматорного факторного анализа, а различительные возможности опросника оценивались посредством расчета Н-критерия Краскела-Уоллиса, дополненного оценкой мощности результата и выявлением межгрупповых различий по критерию Двасса-Стила-Крихтлоу-Флингера, расчетом дескриптивной статистики показателя риска криминализации между подгруппами выборки.

Описательная статистика и дисперсионный анализ выполнялись в статистической программе Statistica for Windows, конфирматорный факторный анализ в JASP.

Конструкт был воплощен в форме опросника общим объемом 60 утверждений, включавшего шкалы, ранее выделенные нами в качестве факторов криминализации: «Эгоцентрическая установка», «Отрицание уголовного наказания», «Обвинение потерпевшего», «Признание допустимости преступления», «Признание необходимости преступления».

Каждая шкала включала по 12 утверждений, раскрывающих ее значение. Регистрация ответов осуществлялась посредством пятибалльной шкалы Лайкерта (у всех утверждений минимальное значение признака было равно 1, а максимальное – 5).

Дескриптивные показатели шкал включали расчет средних значений (далее – ср.знач), стандартного отклонения (далее – SD), критерия нормальности распределения ответов (по критерию Шапиро-Уилкса (далее – Shapiro-W).

Оценка согласованности проводилась путем расчета коэффициента α -Кронбаха. Связи утверждений внутри и между шкалами оценивались посредством расчета коэффициента корреляции.

Полученные результаты представлены в табл. 1. (показатели внутренней согласованности опросника).

Результаты исследования. Результаты исследования излагаются последовательно, в соответствии с намеченными задачами и раскрывают результаты проверки гипотез.

1. Гипотеза о компонентном составе конструкта криминализации проверялась посредством конфирматорного анализа показателей опросника. Проверка гипотезы заключалась в выявлении группировки во-

просов, а затем и шкал, обладающих оптимальными показателями связей между собой и в совокупности объясняющих закономерности ответов респондентов.

Рассматривались три варианта факторизации показателей криминализации: полный, соответствующий теоретической модели, скорректированный на основе структурных критериев (χ^2 / df , RMSEA, CFI и др.) и сокращенный по основаниям всех формальных критериев (Burne, 2016). Статистические показатели моделей представлены в таблице 2.

Таблица 1. Показатели внутренней согласованности опросника риска криминализации

Table 1. Indicators of the internal coherence of the questionnaire "Risk of Criminalisation"

№ п/п	Шкала	Показатели распределения значений шкал	Показатели внутренней согласованности		
			Значения α -Кронбаха	Значения корреляции между утверждениями	Надежность по расщеплению
1	Эгоцентрическая установка	Ср. знач.: = 2,78 SD = 0,63 Shapiro-W, W=	0,68	0,47	0,42
2	Отрицание уголовного наказания	Ср. знач.: = 2,79 SD = 0,67 Shapiro-W, W=	0,71	0,51	0,49
3	Обвинение потерпевшего	Ср. знач.: = 2,59 SD = 0,64 Shapiro-W, W=	0,77	0,61	0,66
4	Признание допустимости преступления	Ср. знач.: = 2,64 SD = 0,65 Shapiro-W, W=	0,71	0,39	0,41
5	Признание необходимости преступления	Ср. знач.: = 2,03 SD = 0,53 Shapiro-W, W=	0,61	0,34	0,36

Таблица 2. Параметры моделей криминализации личности (на материале конфирматорного факторного анализа)

Table 2. Pattern parameters of personality criminalisation (on the basis of confirmatory factor analysis)

Модели опросника	Параметры модели			Характеристики модели				
	χ^2	df	p	RMSEA	RMSEA CI 90%		TLI	CFI
					Нижний	Верхний		
Теоретическая модель (6 компонент)	522,7	87	0,001	0,107	0,098	0,116	0,876	0,897
Скорректированная модель (3 компоненты)	105,3	34	0,001	0,076	0,060	0,093	0,941	0,956
Сокращенная модель (9 утверждений)	73,4	27	0,001	0,069	0,051	0,088	0,962	0,970

Можно видеть, что скорректированный и сокращенный варианты наиболее соответствуют требованиям конфирматорного анализа к структуре модели (соотношение χ^2 / df и уровень статистической значимости (p). Кроме того, глядя на характеристики полученных моделей, можно отметить, что теоретическая модель имеет худшие показатели соответствия модели эмпирическим данным (далее – качества подгонки). Об этом говорит более высокое значение индексов ошибки (RMSEA, > 0,08), низкие значения корреляций между переменными (CFI, < 0,9) и недостаточное соответствие эмпирической модели ее нулевому варианту (TLI, < 0,95).

По сравнению с теоретической моделью ее скорректированный вариант обладает удовлетворительными параметрами ($\chi^2 / df < 3$, $p < 0,001$ и значениями индексов RMSEA, CFI, TLI). Скорректированная модель включает шкалы эгоцентрической установки, отрицания наказания и обвинения потерпевшего и не включает шкалы вынужденности преступления и обвинения окружающих. Однако скорректированная модель нуждается в доработке, поскольку ряд утверждений (например, «Умные преступники избегают наказания», «Жить нужно по собственным, а не по чужим правилам») обладает высокими значениями ошибок измерения. Объяснение этому видится в различиях представлений у лиц с разным уровнем криминогенности и разной направленностью (правопослушной или правонарушающей), составивших выборку нашего исследования.

Лучшими характеристиками обладает сокращенный вариант модели, включающий 9 утверждений из шкал эгоцентрической установки, отрицания наказания и обвинения потерпевших. Он имеет удовлетворительные параметры качества подгонки, а по психометрическим показателям надежности шкала обладает достаточным уровнем внутренней согласованности

(α -Кронбаха = 0,87), междупунктовой корреляции (при $n=612$ $r=0,49$). В целом, эти результаты подтверждают возможность использовать модель для проведения дальнейшего исследования риска криминализации. На этом основании далее в работе используется интегральная монополярная шкала.

2. Проверка гипотезы о способности шкалы риска криминализации различать лиц с разным уровнем криминогенности осуществлялась Н-критерием Краскала-Уоллиса с оценкой эффекта и сравнением различий между группами критерием Двасса-Стила-Крихтлоу-Флингера (далее – DSCF). Выбор критерия обусловлен отклонением распределения значений уровня показателя от нормального закона, что препятствует применению критерия Фишера (однофакторный дисперсионный анализ).

Различия были установлены между всеми подгруппами выборки ($\chi^2 = 53,5$ при $df=2$, $p < 0,001$, $\epsilon^2 = 0,10$), параметры сравниваемых групп представлены в таблице 3, графики распределения приведены на рис. 1.

Сравнение показателей криминализации в разных подгруппах выборки демонстрирует статистически значимые различия между ними. Наибольшие различия в уровнях показателя установлены между правопослушными и последовательно-криминогенными подгруппами выборки. Подгруппе лиц с ситуативно-криминогенным поведением присущи средние значения показателя криминализации, не достигающие уровня последовательно-криминогенных лиц, но и не снижающиеся до уровня правопослушной выборки.

Анализ показателя демонстрирует неоднородность его распределения в подгруппах выборки. Видно, что во всех группах существуют разные значения показателя, что свидетельствует о различиях в выраженности отношений. Можно отметить, что высокий уровень показателя (чаще представленный в подгруппе последо-

Таблица 3. Значения показателя «Риск криминализации» в подгруппах выборки с разным типом криминогенности

Table 3. Indicator's meanings of the risk of criminalisation" in the subgroups' selection with different types of criminality

Подгруппы выборки	Значения показателя		Результаты сравнения (по критерию DSCF)			
	Ср. знач.	SD	1	2	w	P
Последовательно-криминогенная (ПК), n=197	25,2	5.83	ПК	СК	-3,48	0.037
Ситуативно-криминогенная (СК), n= 219	22,9	7.37	ПК	ПП	-11,5	<0.001
Правопослушная (ПП), n=202	19,3	4.18	СК	ПП	-6,41	0.051

Примечание: результаты сравнения по критерию DSCF приводятся попарно, где в столбцах 1 и 2 представлены сравниваемые подгруппы выборки, а в строках – результаты сравнения.

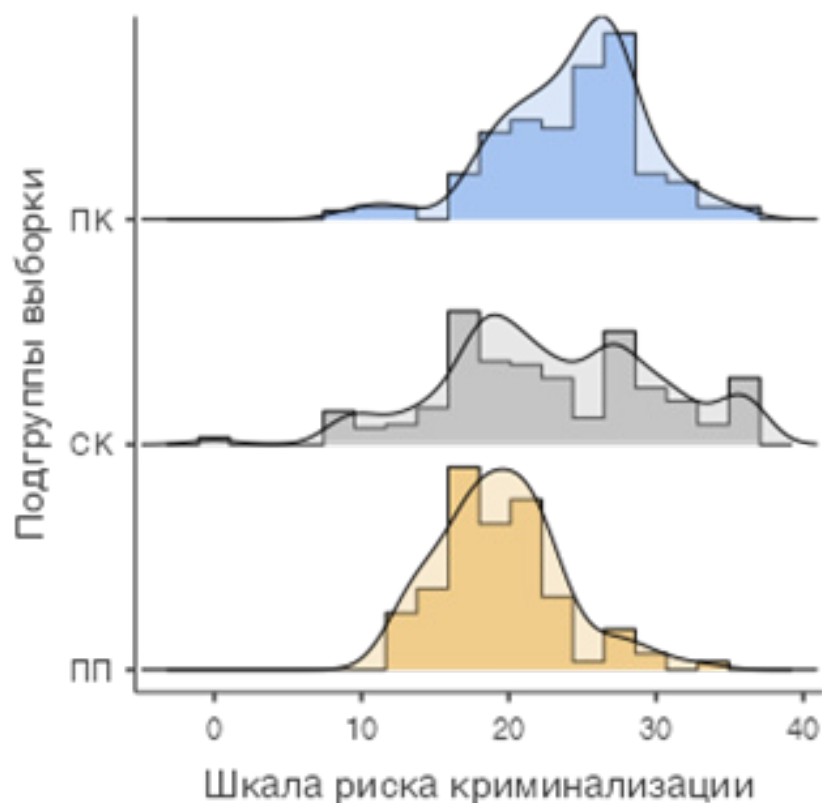

Рис. 1. Распределение значений показателя шкалы риска криминализации в выборках исследования

Fig. 1. Distributing the indicator' meanings of the scale of criminalisation risk in the research's sample selection

Примечание: По оси ординат представлены подгруппы выборки: ПК – последовательно-криминогенная, СК – ситуативно-криминогенная, ПП – правопослушная; по оси абсцисс – отложены значения интегральной шкалы риска криминализации. Столбцами отображены частоты значений, а кривыми – плотность распределения.

вательно-криминогенных лиц) характеризуется обесцениванием наказания за совершение преступлений, обвинением потерпевших в провоцировании преступления и эгоцентрической направленностью. Низкий уровень показателя (более представленный в подвыборке правопослушных лиц) выражается в признании значимости уголовного наказания, сострадании и сочувствии к потерпевшим и социоцентрической направленности.

В целом установленные статистические различия между уровнем показателя позволяют утверждать, что шкала может дифференцировать криминогенных лиц на основании наличия у них комплекса, состоящего из эгоцентрического отношения к себе, отрицания уголовного наказания, обвиняющего отношения к потерпевшему.

Интерпретация результатов. Исследование посвящено осмыслению возможностей субъектного подхода

для оценки криминализации личности. Предполагая, что подход позволяет раскрыть отношения, влияющие на регуляцию криминального поведения личности, нами разработана теоретическая модель отношений, проведена ее операционализация и эмпирическая оценка.

Идеей исследования выступило предположение о влиянии субъектной позиции личности на принятие решения о возможности и допустимости совершения криминального действия в целях удовлетворения собственных потребностей. В процессе теоретической разработки идеи было сформировано предположение о значении комплекса субъективных отношений в регуляции криминального поведения личности и принятии криминогенных решений. Разработанная теоретическая модель использовалась для создания опросника, а составляющие ее компоненты были операционализированы в виде шкал. Проверка модели осуществлялась

в группах правопослушных и криминогенных лиц, поскольку предполагалось, что риск криминализации у них будет различаться.

Полученные эмпирическим путем результаты свидетельствуют об общей поддержке выдвинутых гипотез.

Гипотеза о компонентной организации криминализации была подтверждена конфирматорным анализом частично. Теоретическая модель из 6 компонент показала худшие параметры структуры и качества, поэтому на ее основе была разработана скорректированная, трехкомпонентная модель. В ее состав вошли такие шкалы, как «эгоцентрическая установка», «отрицание наказания» и «обвинение потерпевшего». Другие конфигурации компонент имели худшую информативность как по показателям объема воспроизводимой информации и индексам ошибки, так и соответствию модели эмпирическим данным. Однако, как показало исследование, трехкомпонентная модель имела недостаточные параметры структуры и качество подгонки.

Объяснение этому видится в качественном составе выборки исследования. Поскольку выборка была сформирована по объективному критерию криминогенности (количеству привлечений к уголовной ответственности), а не субъективному, то в ее подгруппах были лица с разным уровнем криминализации.

Одни отказались от противоправного поведения, а другие, напротив, были готовы совершать преступления в будущем. Их субъективное мнение повлияло на результаты опроса. Так, например, в группе правопослушных лиц было получено 7 % ответов, характерных для лиц с высоким уровнем криминогенности, а в выборках криминогенных лиц 21% ответов не имел криминальной направленности.

Этот результат указывает на необходимость более глубокого анализа субъективных представлений криминогенных и правопослушных лиц, подчеркивает важность дальнейшего изучения субъектной позиции личности в регуляции криминального поведения.

Методическим результатом исследования является разработка и апробация шкалы криминализации (текст представлен в приложении к статье). Она получена путем сокращения компонент и объединения утверждений на основе конфирматорного факторного анализа. Данный вариант содержит пункты шкал эгоцентризма (2 утверждения), отрицания наказания (3 утверждения), обвинения потерпевшего (4 утверждения).

В целом шкала обладает удовлетворительными показателями надежности по критерию внутренней согласованности ($n=618$, α -Кронбаха = 0,904, ср. знач. межп. корр=0,51). Она может применяться для изучения риска криминализации, основывающегося на анализе уровня эгоцентричности в самоотношении, субъективных отношений к наказанию за совершение преступления и потерпевшему от преступных действий.

Теоретическим результатом исследования стало подтверждение криминализирующего значения сверхценного отношения к себе, обесценивающего отношения к наказанию и цинично-обвиняющего отношения к потерпевшему. Поскольку эти отношения выражены у криминогенных лиц и слабо проявляются у правопослушных, можно говорить о комплексе отношений, в той или иной степени свойственном криминогенной личности.

”

Результаты исследования развивают субъектный подход в криминальной психологии, уточняя и расширяя представление о предпосылках криминализации личности, которыми выступают: эгоцентрическое самоотношение, отрицание уголовного наказания, негативное отношение к жертве преступления

“

В исследовании установлено, что по сравнению с правопослушной группой, члены криминогенной подгруппы чаще соглашались с допустимостью эгоцентрического, а не социоцентрического поведения («жить нужно по своим правилам»), считают возможным избежать наказания («за это не посадят», «все так делают»), обесценивают потерпевшего («сам виноват», «первый начал»). Комплексный характер отношений подтверждается статистически значимыми корреляционными связями между утверждениями. При этом наличие корреляций во всех подгруппах выборки характеризует распространенность убеждений и среди криминогенных лиц и правопослушных, а значимость корреляционной связи говорит об устойчивости комплекса. Различия в характере связей заключаются в том, что у правопослушных лиц они проявляются слабо и разнонаправленно, тогда как у криминогенных лиц они выражены и сочетаются друг с другом.

Несмотря на то, что результаты в целом согласуются с теоретическими положениями ценностно-нормативного подхода, разработанного А. Р. Ратиновым (Ратинов, 2009) и концепцией криминогенной склонности личности, предложенной А. Н. Пастушениной (Пастушенина, 2012), следует описать новые сведения о субъек-

тивных предпосылках криминализации личности, индикаторами которых, по-видимому, выступают выявленные в исследовании отношения.

Анализ ответов демонстрирует, что существенные различия между криминогенными и правопопслушными подгруппами наблюдаются в отношении к жертве преступных посягательств и вероятности подвергнуться уголовному наказанию. По показателю эгоцентрической направленности ответы в подгруппах различаются с минимальной статистической значимостью.

Психологическими причинами отрицания уголовного наказания, обвинения потерпевшего и циничного отношения к нему, на наш взгляд, выступает стремление самооправдаться, снизив чувство вины, а также избежать общественного порицания, объяснив окружающим причины своего поступка. Это предположение опирается на исследования оправданий (Макаркина, 2019) и психологических защит лиц, находящихся в следственном изоляторе (Богданова, Губин, 2019), осужденных впервые и повторно (Зауророва, Кевля, 2021), приговоренных к пожизненным срокам лишения свободы (Узлов, 2015). Обвиняя жертву в провокации преступления и считая наказание необоснованным, преступник отказывается от принятия ответственности за собственные действия как перед самим собой, так и перед обществом.

Вследствие подобного отношения уголовное наказание воспринимается криминогенным субъектом несправедливым, отягчающим его существование. У лиц ситуативно-криминогенного типа эти переживания выражены слабее, чем у последовательно-криминогенных, что говорит об остроте восприятия ограничений, вызванных уголовным наказанием, и силе их влияния на социальное функционирование и благополучие личности. К дискриминирующим последствиям уголовного наказания можно отнести новообразования в трудовых отношениях (недоверие и контроль со стороны руководителей, отказ от назначения на ответственные и руководящие должности), отношениях с социальным окружением (эмоциональное отдаление от родственников, разрыв близких отношений и трудности взаимодействия) (Злоказов, 2023).

С учетом изложенного, отметим, что риск криминализации личности возрастает не только в связи с формированием выявленного комплекса отношений, но и под влиянием трудностей социального функционирования.

Заключение

Представленное в статье исследование описывает разработку и результаты эмпирической проверки комплекса субъективных отношений, характеризую-

щих криминализацию личности. Результаты исследования развивают субъектный подход в криминальной психологии, уточняя и расширяя представление о предпосылках криминализации личности, которыми выступают: эгоцентрическое самоотношение, отрицание уголовного наказания, негативное отношение к жертве преступления. Описанный комплекс отношений выявлен в группах лиц с последовательным и ситуативным типом криминогенности, отдельные его составляющие представлены в группе правопопслушных лиц.

Результаты исследования имеют теоретические и методические перспективы.

Теоретическая перспектива заключается в развитии и уточнении разработанного конструкта криминализации посредством прояснения значения вины в регуляции криминального поведения, определения внутри- и межличностных аспектов ее проявления.

Также важным является определение влияния трудностей социального функционирования криминогенной личности и особенностей ее жизнедеятельности на разных этапах криминализации (в том числе посткриминальном) на выявленный комплекс отношений, способствующих криминализации. Оба направления исследований позволят яснее понять субъективные основания криминализации, установленные нами в рамках текущего исследования криминогенного значения циничного отношения к потерпевшему, обесценивания уголовного наказания и эгоцентрической направленности личности.

Методическая перспектива исследования связана с теоретической и заключается в дальнейшей операционализации конструкта, введении новых шкал, развивающих измерения субъективных отношений к преступлению и его последствиям. Перспективным направлением выступает изучение субъективных аспектов вины как внутриличностного образования и регулятора межличностных отношений.

Ограничения исследования. Ограничения исследования обусловлены теоретическими и методическими особенностями субъектного подхода, применяемым нами в качестве методологического основания для изучения криминализации; выборкой исследования, включающей лиц молодого и взрослого возраста (от 23 до 45 лет), и преимущественно состоящей из мужчин; необходимостью изучения психометрических характеристик валидности и надежности шкалы риска криминализации; отсутствием в шкале утверждений, оценивающих социальную желательность, искренность или уровень мотивации респондентов.

Применение результатов исследования (выводов, прилагаемой шкалы оценки риска криминализации) необходимо осуществлять с учетом имеющихся ограничений.

Список литературы

- Алексеева, Л. В. (2006). *Психологическая характеристика субъекта преступления*: автореф. дис. ... д. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Бастрыкин, А. И., Сальников, В. П., Романовская, В. Б., Воронков, К. И. (2020). Антикriminalогенная ресоциализация: зарубежный опыт. *Всероссийский криминологический журнал*, 14 (3), 371–378. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).371-378](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378)
- Богданова, Е. А., Губин, В. А. (2019). Особенности психологических защит у лиц среднего возраста в условиях социальной изоляции. *Проблемы современного педагогического образования*, 65 (2), 306–309.
- Вэтра, А. В. (2020). Об особенностях самоотношения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*, 1 (38), 204–205.
- Григорьева, А. А., Афонина, Ю. С., Кабанова, Т. Н. (2018). Криминализация несовершеннолетних как проблема современного общества (психологические, социально-психологические и клиничко-психопатологические факторы). *Прикладная юридическая психология*, 4 (45), 49–59.
- Дворянчиков, Н. В., Савкина, И. А. (2011). Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних. *Психологическая наука и образование*, 3 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39933
- Дебольский, М. Г., Левин, Л. М., Бокова, Н. В. (2016). Сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. *Психология и право*, 6 (4), 186–195. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060417>
- Зауторова, Э. В., Кевля, Ф. И. (2021). Особенности психологической защиты осужденных, находящихся в местах лишения свободы. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 26 (4 (87)), 398–403. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-398-403>
- Злоказов, К. В., Ильянкoва, Е. И., Рожков, А. А. (2021). Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними. *Всероссийский криминологический журнал*, 15 (1), 15–26. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).15-26](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26)
- Злоказов, К. В. (2023). Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (99), 218–226. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-218-226>
- Макаркина, О. Е. (2019). Самооправдание осужденных как фактор, препятствующий их исправлению. В *Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития*: материалы Международной заочной научно-практической конференции (Псков, 31 мая 2019 года, стр. 171–175). Псков: Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Недилько, М. С., Злоказов, К. В. (2020). Различия в субъективных представлениях бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение корыстных и коррупционных преступлений. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2 (86), 215–222. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-215-222>
- Пастушеня, А. Н. (2011). Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ. *Прикладная юридическая психология*, 1, 27–38.
- Пастушеня, А. Н. (1998). *Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь.
- Пастушеня, А. Н. (2012). Характеристика системообразующего ядра криминогенной склонности личности. *Прикладная юридическая психология*, 2, 18–28.
- Ратинов, А. Р. (2016). *Избранные труды*. Серия Научные труды ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Ратинов, А. Р. (2009). Личность преступника. Психологические аспекты. В *Юридическая психология: сборник научных трудов* (вып. 4, стр. 7–16). Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Романова, Н. М. (2015). Разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 15 (3), 96–100.
- Рубинштейн, С. Л. (1989). *Основы общей психологии*: в 2 т. Т. II. Труды действительных членов и членов-корреспондентов Академии педагогических наук СССР. Москва: Педагогика.
- Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А., Ковалева, Ю. В. (2010). *Контроль поведения как субъективная регуляция*. Москва: Институт психологии РАН.
- Сучкова, Е. Л. (2018). Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных. *Психология и право*, 8 (2), 101–112. <https://doi.org/10.17759/psylaw.201808020>
- Тазин, И. И. (2006). *Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск.

- Токарева, Г. М. (2017). Индивидуально-психологические и клинико-социальные характеристики лиц с психическими расстройствами в зависимости от характера криминальной рецидивности. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 6 (5А), 83–91.
- Узлов, Н. Д. (2015). Приговоренные к жизни: самооценка агрессивности и чувства вины осужденными к пожизненным срокам лишения свободы. *Суицидология*, 6 (1 (18)), 42–53.
- Уразаева, Г. И. (2014). Методологические принципы изучения личности преступника и преступного поведения. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 3 (17), 126–130.
- Чернышева, Е. В. (2007). Факторная структура Я-концепции личности осужденных. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 4 (31), 40–47.
- Althoff, M., Dollinger, B., & Schmidt, H. (2020). Fighting for the “Right” Narrative: Introduction to Conflicting Narratives of Crime and Punishment. In: Althoff, M., Dollinger, B., Schmidt, H. (Eds.), *Conflicting Narratives of Crime and Punishment*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47236-8_1
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd Ed.). New York: Routledge.
- De Vel-Palumbo, M., Wenzel, M., & Woodyatt, L. (2019). Self-punishment promotes reconciliation with third parties by addressing the symbolic implications of wrongdoing. *European Journal of Social Psychology*, 49 (5), 1070–1086. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2571>
- Deitzer, J. R., Leban, L., Copes, H., & Wilcox, S. (2022). Criminal Self-Efficacy and Perceptions of Risk and Reward among Women Methamphetamine Manufacturers. *Justice Quarterly*, 39 (4), 847–870. <https://doi.org/10.1080/07418825.2021.1901965>
- Gummerum, M., Hanoch, Y., & Rolison, J. J. (2014). Offenders' risk-taking attitude inside and outside the prison walls. *Risk analysis: an official publication of the Society for Risk Analysis*, 34 (10), 1870–1881. <https://doi.org/10.1111/risa.12222>
- Hall, J. H., & Fincham, F. D. (2008). The temporal course of self-forgiveness. *Journal of Social & Clinical Psychology*, 27 (2), 174–202. <https://doi.org/10.1521/jscp.2008.27.2.174>
- Haynes, S. H., & Cares, A. C. (2015). Victims' and Offenders' Views About Crime and Justice. *Sociological Focus*, 48 (3), 228–248. <http://www.jstor.org/stable/24579296>
- Ioannou, M., Canter, D., Youngs, D., & Synnott, J. (2015). Offenders' Crime Narratives Across Different Types of Crimes. *Journal of Forensic Psychology Practice*, 15 (5), 383–400. <https://doi.org/10.1080/15228932.2015.1065620>
- Levy, I., & Ben-David, S. (2015). Mechanism of Bystander-Blaming: Defensive Attribution, Counterfactual Thinking, and Gender. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 59 (1), 96–113. <https://doi.org/10.1177/0306624X13503297>
- Walters, G. D. (1995). The psychological inventory of criminal thinking styles: Part I: Reliability and preliminary validity. *Criminal Justice and Behavior*, 22 (3), 307–325. <https://doi.org/10.1177/0093854895022003008>

References

- Alekseeva, L. V. (2006). *Psichologicheskaya harakteristika sub"ekta prestupleniya: avtoref. dis. ... d. psihol. nauk*. Saint Petersburg.
- Bastrykin, A. I., Sal'nikov, V. P., Romanovskaya, V. B., Voronkov, K. I. (2020). Antikriminogennaya resocializaciya: zarubezhnyj opyt. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 14 (3), 371–378. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).371-378](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378)
- Bogdanova, E. A., Gubin, V. A. (2019). Osobennosti psihologicheskikh zashchit u lic srednego vozrasta v usloviyah social'noj izolyacii. *Problemy sovremenogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 65 (2), 306–309.
- Vetra, A. V. (2020). Ob osobennostyah samootnosheniya nesovershennoletnih podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (38), 204–205.
- Grigor'eva, A. A., Afonina, Yu. S., Kabanova, T. N. (2018). Kriminalizaciya nesovershennoletnih kak problema sovremenogo obshchestva (psihologicheskie, social'no-psihologicheskie i kliniko-psihopatologicheskie faktory). *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (45), 49–59.
- Dvoryanchikov, N. V., Savkina, I. A. (2011). Issledovanie osobennostej pravosoznaniya nesovershennoletnih. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie*, 3 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39933
- Debol'skij, M. G., Levin, L. M., Bokova, N. V. (2016). Sravnitel'nyj analiz sub"ektivnoj kartiny zhiznennogo puti osuzhdennyh, sostoyashchih na uchete v ugolovno – ispolnitel'noj inspekcii. *Psichologiya i pravo*, 6 (4), 186–195. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060417>
- Zautorova, E. V., Kevlya, F. I. (2021). Osobennosti psihologicheskoy zashchity osuzhdennyh, nahodyashchihysya v mestah lisheniya svobody. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 26 (4 (87)), 398–403. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-398-403>

- Zlokazov, K. V., Il'yankova, E. I., Rozhkov, A. A. (2021). Vliyanie predstavleniya o social'nom prostranstve na ocenku prestupleniya nesovershennoletnimi. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 15 (1), 15–26. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).15-26](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26)
- Zlokazov, K. V. (2023). Ocenka lichnostnyh, mezhlichnostnyh i social'nyh problem v resocializacii lic, privlekavshihsia k ugolovnoj otvetstvennosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (99), 218–226. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-218-226>
- Makarkina, O. E. (2019). Samoopravdanie osuzhdennyh kak faktor, prepyatstvuyushchij ih ispravleniyu. V *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Pskov, 31 maya 2019 goda, str. 171–175). Pskov: Pskovskij filial Akademii prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Nedil'ko, M. S., Zlokazov, K. V. (2020). Razlichiya v sub"ektivnyh predstavleniyah byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, osuzhdyonnyh za sovershenie korystnyh i korrupcionnyh prestuplenij. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2 (86), 215–222. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-215-222>
- Pastushenya, A. N. (2011). Psihologicheskij mekhanizm prestupnogo povedeniya: sistemno-funkcional'nyj analiz. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1, 27–38.
- Pastushenya, A. N. (1998). *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: metodologiya poznaniya i psihologicheskaya koncepciya*. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus'.
- Pastushenya, A. N. (2012). Harakteristika sistemoobrazuyushchego yadra kriminogennoj sklonnosti lichnosti. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2, 18–28.
- Ratinov, A. R. (2016). *Izbrannye trudy. Seriya Nauchnye trudy uchenyh Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii*. Moscow: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Ratinov, A. R. (2009). Lichnost' prestupnika. Psihologicheskie aspekty. V *Yuridicheskaya psihologiya: sbornik nauchnyh trudov* (vyp. 4, str. 7–16). Moscow: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Romanova, N. M. (2015). Raznovidnosti vovlecheniya lichnosti v kriminal'nyu deyatel'nost'. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 15 (3), 96–100.
- Rubinshtejn, S. L. (1989). *Osnovy obshchej psihologii: v 2 t. T. II. Trudy dejstvitel'nyh chlenov i chlenov-korrespondentov Akademii pedagogicheskikh nauk SSSR*. Moscow: Pedagogika.
- Sergienko, E. A., Vilenskaya, G. A., Kovaleva, Yu. V. (2010). *Kontrol' povedeniya kak sub"ektnaya regulyaciya*. Moscow: Institut psihologii RAN.
- Suchkova, E. L. (2018). Koncepciya issledovaniya psihologii gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennyh. *Psihologiya i pravo*, 8 (2), 101–112. <https://doi.org/10.17759/psylaw.201808020>
- Tazin, I. I. (2006). *Kriminalisticheskaya harakteristika motivacionno - smyslovoj sfery lichnosti prestupnika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*. Tomsk.
- Tokareva, G. M. (2017). Individual'no-psihologicheskie i kliniko-social'nye harakteristiki lic s psihicheskimi rasstrojstvami v zavisimosti ot haraktera kriminal'noj recidivnosti. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 6 (5A), 83–91.
- Uzlov, N. D. (2015). Prigovorennye k zhizni: samoocenka agressivnosti i chuvstva viny osuzhdennymi k pozhiznennym srokam lisheniya svobody. *Suicidologiya*, 6 (1 (18)), 42–53.
- Urazaeva, G. I. (2014). Metodologicheskie principy izucheniya lichnosti prestupnika i prestupnogo povedeniya. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 3 (17), 126–130.
- Chernysheva, E. V. (2007). Faktornaya struktura Ya-koncepcii lichnosti osuzhdennyh. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 4 (31), 40–47.
- Althoff, M., Dollinger, B., & Schmidt, H. (2020). Fighting for the “Right” Narrative: Introduction to Conflicting Narratives of Crime and Punishment. In: Althoff, M., Dollinger, B., Schmidt, H. (Eds.), *Conflicting Narratives of Crime and Punishment*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47236-8_1
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd Ed.). New York: Routledge.
- De Vel-Palumbo, M., Wenzel, M., & Woodyatt, L. (2019). Self-punishment promotes reconciliation with third parties by addressing the symbolic implications of wrongdoing. *European Journal of Social Psychology*, 49 (5), 1070–1086. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2571>
- Deitzer, J. R., Leban, L., Copes, H., & Wilcox, S. (2022). Criminal Self-Efficacy and Perceptions of Risk and Reward among Women Methamphetamine Manufacturers. *Justice Quarterly*, 39 (4), 847–870. <https://doi.org/10.1080/07418825.2021.1901965>
- Gummerum, M., Hanoach, Y., & Rolison, J. J. (2014). Offenders' risk-taking attitude inside and outside the prison walls.

Risk analysis: an official publication of the Society for Risk Analysis, 34 (10), 1870–1881. <https://doi.org/10.1111/risa.12222>

Hall, J. H., & Fincham, F. D. (2008). The temporal course of self-forgiveness. *Journal of Social & Clinical Psychology*, 27 (2), 174–202. <https://doi.org/10.1521/jscp.2008.27.2.174>

Haynes, S. H., & Cares, A. C. (2015). Victims' and Offenders' Views About Crime and Justice. *Sociological Focus*, 48 (3), 228–248. <http://www.jstor.org/stable/24579296>

Ioannou, M., Canter, D., Youngs, D., & Synnott, J. (2015). Offenders' Crime Narratives Across Different Types of Crimes. *Journal of Forensic Psychology Practice*, 15 (5), 383–400. <https://doi.org/10.1080/15228932.2015.1065620>

Levy, I., & Ben-David, S. (2015). Mechanism of Bystander-Blaming: Defensive Attribution, Counterfactual Thinking, and Gender. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 59 (1), 96–113. <https://doi.org/10.1177/0306624X13503297>

Walters, G. D. (1995). The psychological inventory of criminal thinking styles: Part I: Reliability and preliminary validity. *Criminal Justice and Behavior*, 22 (3), 307–325. <https://doi.org/10.1177/0093854895022003008>

Информация об авторе:

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 28.10.2023

Одобрена после рецензирования 24.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the author

Kirill V. Zlokazov – Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted October 28, 2023

Approved after reviewing November 24, 2023

Accepted December 15, 2023

Шкала «Риск криминализации»

Текст утверждений

1. В жизни нужно подчиняться только себе и никому более.
2. Потерпевшие часто ведут себя хуже преступников.
3. Ловят преступников только из-за их неосмотрительности.
4. Потерпевшие всегда сами виноваты в произошедшем с ними.
5. Жить по законам общества можно, только если это выгодно.
6. Потерпевшие от преступлений заслуживают своей судьбы.
7. При хорошей подготовке преступление всегда останется нераскрытым.
8. Лишь глупые или несчастливые люди отбывают наказание в местах лишения свободы.
9. Потерпевшие наивны настолько, что могут постоянно быть жертвами преступлений.

Шкала для регистрации ответов:

1 балл – «полностью не согласен»; 2 балла – «скорее не согласен»; 4 балла – «согласен частично»; 5 баллов – «полностью согласен».

Порядок расчета результатов: значения суммируются.

Распределение значений показателя риска криминализации и диапазоны его значений в группах лиц, различающихся криминогенной направленностью, представлены в таблице.

Группы обследованных лиц	Распределение значений показателя		Диапазоны значений показателя			
	Ср. знач.	Ст. отклон.	мин-25%	26%-50%	51%-75%	76%-макс
Правопослушные	19,3	4,188	9-16	17-19	20-22	23-33
Ситуативно-криминогенные	22,9	7,373	10-18	19-22	23-28	29-36
Последовательно-криминогенные	25,2	5,832	12-21	22-25	26-28	29-38